УДК 94(09)(=17=89)

DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-67-80

Географическая лексика и топонимия старошенталинского говора эрзя-мордовского языка

Н. В. Беленов

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия*

Аннотация

Вводится в научный оборот и анализируется географическая лексика, бытующая в старошенталинском говоре эрзя-мордовского языка и топонимическая номенклатура села Старая Шентала Шенталинского района Самарской области и его окрестностей. Старошенталинский говор относится к группе мордовских говоров Самарской области, характеризующихся значительным числом лексических архаизмов в составе, в том числе в географической лексике. Так, ряд географических терминов, сохраняющихся до настоящего времени в говоре эрзя-мордовского населения Старой Шенталы, содержится в наиболее раннем из известных мордовских лексикографических памятников – «Списке мордовских слов» из труда «Северная и Восточная Тартария» голландского исследователя Н. Витсена, относящегося ко второй половине XVII в. Лексический состав старошенталинского говора эрзя-мордовского языка демонстрирует наибольшую близость с эрзянскими говорами Чувашского Присурья, что может указывать на исторические территории расселения предков носителей старошенталинского говора. Проведенный в работе структурно-сопоставительный анализ показал, что в целом топонимическое пространство села Старая Шентала обладает большинством характеристических признаков эрзя-мордовских топонимических пространств. Выявлен ряд общих структурных элементов для топонимической номенклатуры, бытующей в исследуемом говоре, с соответствующими кластерами в других эрзянских говорах Самарского Поволжья, Республики Мордовия. Вместе с тем в данном топонимическом пространстве зафиксирован ряд уникальных явлений как для мордовских говоров Самарского Поволжья, так и для мордовской топонимии в целом. Деэтимологизированные топонимные основы исследуемого пространства, вероятно, восходят к поволжским тюркским языкам; также нельзя исключать, что некоторые из них могут являться архаичными финно-угорскими топоосновами.

Ключевые слова

географическая лексика, топонимика, мордва, эрзя-мордовский язык, Самарское Поволжье, Старая Шентала

Для цитирования

Беленов Н. В. Географическая лексика и топонимия старошенталинского говора эрзя-мордовского языка // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 1. С. 67–80. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-67-80

Geographical Lexicon and Toponymy of Staroshentalinsky Dialect of the Erzya-Mordovian Language

Nikolai V. Belenov

*Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation*

Abstract

This article analyzes the geographical lexicon circulating in the Staroshentalinsky dialect of the Erzya-Mordovian language and the toponymic nomenclature of the village of Staraya Shentala in the Shentala district of the Samara region and its surroundings. Staroshentalinsky dialect belongs to the group of Mordovian dialects of the Samara region, char-

© Н. В. Беленов, 2021

acterized by a significant number of lexical archaisms in particular in the geographical vocabulary. Thus, a number of geographical terms that remain to this day in the dialect of the Erzya-Mordovian population of Staraya Shentala are contained in the oldest known Mordovian lexicographic monuments – the “List of Mordovian words” from the work “Northern and Eastern Tartary” by the Dutch researcher N. Witsen, which dates back to the second half of the 17th century. Vocabulary of the Staroshentalinsky dialect of the Erzya-Mordvin language shows the greatest affinity with the dialects of Erzya and Chuvash Sura region that may indicate the historical territory of the settlement of the native Staroshentalinsky dialect speakers. The structural and comparative analysis carried out in this work has shown that, in general, the toponymic space of the village of Staraya Shentala has the most of the characteristics of the Erzya-Mordovian toponymic spaces. A number of common structural elements for the toponymic nomenclature existing in the dialect in question, with corresponding clusters in other Erzya dialects of the Samara Volga region and the Republic of Mordovia, have been identified. At the same time, a number of unique phenomena are recorded in this toponymic space: both for the Mordovian dialects of the Samara Volga region, and for the Mordovian toponymy as a whole. The de-etymologized toponymic bases of the space under study probably go back to the Volga Turkic languages, some of them may be archaic Finno-Ugric toponyms.

Keywords

geographical lexicon, toponymy, Mordva, Erzya-Mordovian language, Samara Volga region, Staraya Shentala

For citation

Belenov, Nikolai V. Geographical Lexicon and Toponymy of Staroshentalinsky Dialect of the Erzya-Mordovian Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2021, vol. 19, no. 1, p. 67–80. DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-1-67-80

Введение

Изучение лексики мордовских говоров Самарского Поволжья имеет более чем вековую историю. В конце XIX столетия в мордовских селах Самарской губернии работала экспедиция финского исследователя Х. Паасонена. Большую часть материала на территории губернии Х. Паасонен собрал в эрзя-мордовских селах Старое Вечканово (ныне Исаклинского района Самарской области) и Алешкино (ныне Похвистневского района Самарской области). Зафиксированная в указанных селах лексика вошла в состав фундаментальных трудов Х. Паасонена по мордовским языкам, которые большей частью были изданы уже после смерти ученого [Paasonen, 1977; 1990–1995].

Среди исследований мордовской топонимии региона необходимо особо отметить статью выдающегося отечественного финно-угроведа Д. В. Цыганкина «Ойконимия мордовского Заволжья» [2010], в которой также уделяется внимание характеристике географической лексики заволжской мордвы.

Вместе с тем необходимо отметить, что комплексного изучения географической лексики и топонимии мордвы Самарского Поволжья вообще и старошенталинского говора эрзя-мордовского языка в частности до настоящего времени не предпринималось, что и обуславливает актуальность данной работы, целью которой является введение в научный оборот географической лексики и топонимической номенклатуры, бытующих в старошенталинском говоре эрзя-мордовского языка, их этимологический и сравнительно-сопоставительный анализ.

Характеризуя общую картину, следует отметить, что все мордовские говоры Самарского Поволжья по лексическому составу делятся на две группы. Те говоры, которые бытуют в мордовских селах, основанных до начала XVIII в., отличаются многочисленными лексическими архаизмами от тех, которые бытуют в селах, основанных в более позднее время. Кроме того, между указанными группами мордовских говоров региона имеются также акцентологические и фонетические различия. Однако исследуемый говор резко выделяется на фоне в целом однородных эрзя-мордовских говоров Шенталинского района Самарской области архаичностью лексики, в том числе географической.

Материалы и методы исследования

Методы настоящего исследования обусловлены его целями и задачами.

Работа по сбору топонимии и топонимной лексики старошенталинского говора эрзя-мордовского языка проводилась автором на протяжении полевого сезона 2019 г. При этом мы ориентировались на рекомендации и форму по сбору топонимов и топонимной лексики носителей финно-угорских языков, разработанные Г. М. Кертом [2009].

За время полевых исследований 2015–2019 гг., охвативших в равной мере все этнотерриториальные группы мордвы Самарской области, был накоплен представительный материал по географической лексике и топонимии мордвы данного региона. В связи с этим в настоящей работе имеется возможность проведения сравнительно-сопоставительного анализа географической лексики и топонимии старошенталинского говора эрзя-мордовского языка с соответствующими лексическими кластерами других эрзянских и мокшанских говоров Самарского Поволжья. Привлекаемые к анализу данные по географической лексике и топонимии мордвы, проживающей за пределами Самарской области, содержатся в материалах работ Д. В. Цыганкина [1976; 2005], И. К. Инжеватова [1987], а также в упомянутых трудах Х. Паасонена.

К истории старошенталинской мордвы

Эрзя-мордовское село Старая Шентала, расположенное в Шенталинском районе Самарской области, в настоящее время является центром одноименного сельского поселения. Согласно переписи населения Российской Федерации 2010 г., население Старой Шенталы составляет 558 жителей, из которых на мордву-эрзю приходится 81 %.

Мордовские села на территории нынешнего Шенталинского района Самарской области возникли в начальный период земледельческой колонизации Среднего Поволжья, однако точная дата основания того или иного населенного пункта, за редким исключением, неизвестна. Считается, что большинство из них появилось здесь после строительства Ново-Закамской оборонительной линии в 30-х гг. XVIII в., вследствие чего данные территории были надежно защищены от набегов кочевников. В то же время известно, что мордва и чуваша стали селиться по берегам Черемшана, Сока и Кондурчи намного раньше строительства данной линии укреплений, а земельные вопросы с кочевниками предпочитали решать самостоятельно: в большинстве случаев мирно, посредством уплаты ясака или оговоренной суммы денег, и лишь иногда в ходе военных столкновений. Кроме того, обстоятельства строительства и недолгой эксплуатации Ново-Закамской линии подтверждают, что в это время обстановка на территориях, ныне входящих в состав северных районов Самарской области, была уже относительно спокойной. Последние значительные потрясения, связанные с набегам кочевников, относятся здесь к 80-м гг. XVII в. Возникновение на данных территориях населенных пунктов со второй половины XVII столетия подтверждается источниками различного рода: архивными документами, археологическими находками, историческими преданиями и др.

Точная дата основания села Старая Шентала неизвестна, однако в архивах сохранилась дата основания выселка из нее, который ныне известен как село Степная Шентала Кошкинского района Самарской области; это произошло в 1733 г. Согласно преданию, часть мордвы из Старой Шенталы (в то время Лесной Шенталы. – Н. Б.) переселилась на новые места по совету стариков ввиду перенаселения. Соответственно, можно сделать вывод, что к 1733 г. – времени начала строительства Ново-Закамской линии – село Старая Шентала не только уже существовало, но и успело увеличить свое население настолько, что потребовался поиск новых мест для поселения.

В течение последующих столетий фиксируются неоднократные внутриобластные миграции мордовского населения: между мордовскими селами нынешних Шенталинского, Клявлинского и Иса克林ского районов Самарской области, что, однако, не привело к заметному смешению говоров в них.

Отличительные особенности и ареальные связи лексики старошенталинского говора эрзя-мордовского языка

Старошенталинский говор (далее СШГ) эрзя-мордовского языка значительно отличается от всех остальных эрзянских говоров Шенталинского района, о чем говорят и сами информанты во всех обследованных нами селах. Различия между старошенталинским и другими эрзя-мордовскими говорами Шенталинского района лежат главным образом в области лексики, которая в СШГ достаточно специфична для мордвы Самарского Поволжья. Помимо значительного числа лексических архаизмов, бытующих в селах, основанных до XVIII в., в СШГ имеется также ряд лексем, которые не находят параллелей в других мордовских говорах Самарского Поволжья. Единичные лексемы из этого состава можно встретить лишь в отдельных эрзянских говорах Шенталинского района, что может объясняться ареальными связями, однако системного соответствия не фиксируется ни в мордовских говорах региона, ни на прилегающих территориях Оренбуржья и Ульяновской области (ПМА, Оренбургская область, Бугурусланский район, Нуштайкино, 2019). Наиболее близкая аналогия обнаруживается в эрзянских говорах Чувашского Присурья, где бытуют, в числе прочего, лексемы, характерные в Самарском Поволжье только для СШГ, например: *езни* – ‘змея’, *айгор* – ‘жеребец’, *чудерькс* – ‘ручей’ и др. [Моторкина, 2002]. По всей вероятности, наличие подобных соответствий может свидетельствовать о том, что предки старошенталинской мордвы могли быть выходцами с территории Чувашского Присурья, о чем в архивных документах не сохранилось никаких данных.

Отмеченные выше характеристические особенности СШГ нашли свое отражение как в топонимической номенклатуре, сформировавшейся у его носителей, так и в их географической лексике, к рассмотрению которой мы и переходим.

Географическая лексика старошенталинского говора

Брудь. Данный термин в СШГ является фонетической адаптацией русского термина *пруд*. В СШГ произошли регрессивная ассимиляция глухого согласного *n* и смягчение конечного твердого согласного с его озвончением: [brud’], с той же семантикой. Термин топонетичен в данном говоре эрзя-мордовского языка, бытуя в нем параллельно с неадаптированным заимствованием *пруд* как в разговорной речи, так и в топонимии (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Подобного рода географические термины имеют широкое распространение в эрзянских говорах Самарского Заволжья, имея различные формы: *брудь*, *брудец*, *брудась*. Также данный термин в различных вариациях зафиксирован нами в благодаровском говоре мокша-мордовского языка (ПМА, Самарская область, Борский район, Благодаровка, 2017).

Ведь. Термин для обозначения рек в СШГ. Со слов информантов: «Ведь – так у нас называется река. Лей – да, так тоже говорят, вот, в Багане, например, у них река – лей. А у нас ведь. Сейчас все перемешались уже, некоторые и здесь лей стали говорить, но вообще ведь – река» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Данный факт является живым подтверждением сведений Н. Витсена, относящихся ко второй половине XVII в. [Witsen, 1692]. Голландский исследователь опубликовал список мордовских лексем, среди которых имеются: *ved* – ‘вода’, *ved* – ‘река’ и *oscuvved* – ‘большая река’. Надо отметить, что в топонимическом пространстве Старой Шенталы немало гидронимов с формантом *лей*, при этом не встречается ни одного названия с формантом *ведь* (если не считать гидронима *Черная речка*, которую здесь переводят как *Раужо ведь*, но сами же информанты подтверждают, что в общении используют русскую форму гидронима), что свидетельствует, по нашему мнению, о постепенном замещении архаичного термина.

Веле. Данным термином в СШГ обозначаются села и деревни. Форма и семантика термина в СШГ идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. В мордовских говорах Самарского Поволжья термин фиксируется повсеместно.

Вирь. Данным термином в СШГ обозначаются крупные участки леса. Форма и семантика термина в старошенталинском говоре идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Термин *вирь* в СШГ топогенетичным не является: названия лесных участков здесь либо не маркируются лексемой со значением ‘лес’, либо оформляются заимствованием из русского языка: лексемами *лес* или *колка* (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019).

Калмо ланго. Устойчивое словосочетание для обозначения кладбищ в СШГ. Данное обозначение объектов такого рода является общим для всех эрзя-мордовских говоров Шенталинского района Самарской области. Еще одна популярная для мордовских говоров Самарского Заволжья лексема с данным значением – *калмозырь*, распространенная, в частности, у клявлинской мордвы, здесь не зафиксирована (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Само словосочетание в настоящее время в СШГ деэтимологизировано. Если его первый компонент, лексема *калмо*, однозначно переводится информантами как ‘могила’, то для компонента *ланго* предлагается несколько значений, каждое из которых не противоречит принципу семантического соответствия: ‘поверхность’, ‘рядом с чем-либо’, ‘мелко, неглубоко’.

Колка. Этот термин, имеющий широкое распространение в Самарском Заволжье в различных этноязыковых средах, повсюду восходит к русскому термину *колок* – ‘островок леса в безлесной местности’. В СШГ данный термин имеет несколько отличную семантику от той, что ему присуща в большинстве других эрзянских говоров, в том числе в соседних шенталинских. В большинстве заволжских эрзянских говоров термин *колка* имеет значения ‘роща’, ‘небольшой лес’; в ряде случаев он выступает синонимом термина *лес*, полностью замещающая его в топонимической номенклатуре. В СШГ *колка* – это ‘лесочек округлой формы’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019), что, в известной степени, ближе к исходному значению термина в русском языке.

Кунчка. Данный термин в СШГ означает центр села. В эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья подобного рода термины относятся к разряду наиболее унифицированных. Они представлены, как правило, фонетическими вариантами *кунишка* (идентичен литературно-письменной эрзя-мордовской форме) и *кунчка*, как в рассматриваемом случае. В ряде случаев термин употребляется в составе устойчивого словосочетания *кунишка / кунчка куро* с тем же значением, при этом, как правило, в мордовских говорах региона, характеризующихся значительным количеством лексических архаизмов в составе. В СШГ, который мы также склонны причислять к архаичным, устойчивое словосочетание *кунчка куро* в географической лексике нами не зафиксировано (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019).

Куринка. Данный термин в СШГ является синонимом заимствованного из русского языка и фонетически адаптированного термина *ульця* и означает любую улицу села; в СШГ произошла редукция гласного *и*, а также смягчение *ц* в конечном слоге – [ul'ts'a].

Лисьма. Данным термином в СШГ языка обозначаются колодцы и родники. Форма и семантика термина в СШГ во многом идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке.

Лисьмапря. Данным термином в СШГ обозначаются родники, обладающие определенными характеристиками. Со слов информантов: «Лисьмапря – это родник, если он течет с горы, а так – тоже лисьма у нас называется, как и колодец» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). В большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья термином *лисьмапря* обозначается любой родник независимо от его характеристик.

Лошмо. В СШГ данным термином обозначаются овраги с пологим дном округлой формы. В других эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья данному географическому термину соответствует лексема *лашмо* – ‘низина’. В мокша-мордовских говорах Самарской Луки

на топонимическом материале нами зафиксирован географический термин *лешек* в том же значении [Беленов, 2018].

Нерь. Данный термин в СШГ имеет значения: ‘выступ’, ‘мыс’, ‘рыло’, ‘подбородок’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). В мордовских говорах Самарского Поволжья данный термин в каком бы то ни было значении встречается редко, а случаи его фиксации в топонимии вообще единичны. Наиболее известный – *Ош панда нерь*, относится к шелехметскому говору мокша-мордовского языка на Самарской Луке [Беленов, 2020]. Там, однако, его топонимическое значение несколько иное – ‘клиновидный выступ’; термин *нерь* также бытует в шелехметском говоре со значением ‘нос лодки’ (ПМА, Самарская область, Волжский район, Шелехметь, 2015). В СШГ, в топонимическом контексте, термин *нерь* употребляется в основном в значении ‘подковообразный выступ’, что, как представляется, аналогично лексеме *салазка* в ряде мордовских топонимов, например, в ойкониме *Салазгерье* [Инжеватов, 1987]. Также необходимо отметить, что рассматриваемый термин является топогенетичным в СШГ, что не фиксируется более ни в одном другом из эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья.

Учитывая широкое распространение географических терминов с основой *нярь / нерь* в финно-угорских языках и широкий спектр их значений в них, с большой степенью вероятности данный термин можно отнести к лексической архаике, восходящей к финно-угорскому языку-основе. Всю совокупность значений подобных терминов можно объединить по двум семантическим кластерам: гидронимному и оронимному, каждый из которых находит отражение в ойконимии.

О первичном значении подобного рода терминов у исследователей нет единого мнения. Первые попытки установить их этимологию относятся к середине XIX в. и принадлежат Э. Леннроту [Lönnrot, 1847], однако даже в новейших работах по топонимии Финляндии исследователи ограничиваются лишь перечислением топонимов, содержащих данный термин, указывая на отсутствие у них надежной этимологии [Hulden, 2001; Suomalainen paikkannimikirja, 2007].

В ряде мордовских говоров региона можно предположительно реконструировать хождение термина с основой *нярь / нерь* в гидронимическом значении (см. [Беленов, 2019]). Однако поиск перспективных этимологических решений для соответствующих географических лексем требует дальнейшей работы по сбору и систематизации терминов с данной основой в мордовских говорах.

Пакся. Данный термин в СШГ имеет значение ‘поле’. Форма и семантика термина в нем идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Рассматриваемая лексема относится к наиболее распространенным в мордовских говорах географическим терминам и, по мнению большинства специалистов, является одним из древнейших тюркских заимствований в мордовских языках [Бутылов, 2005]. Также надо отметить, что в СШГ данный термин топогенетичным не является, как и в большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья.

Пандо. Данным термином в СШГ обозначаются значительные возвышенности. Форма и семантика термина в СШГ идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке: *пандо* – ‘гора’. Термин является топогенетичным в СШГ эрзя-мордовского языка.

Пе. Данный термин в СШГ имеет следующие значения: ‘улица’, ‘конец улицы’, ‘район села’, ‘конец села’. Термин является одним из наиболее топогенетичных в данном говоре – по меньшей мере в урбонимии. В эрзянских говорах Самарского Заволжья лексема *пе* в указанных значениях распространена повсеместно.

Поляна. Данный термин для обозначения небольших безлесных пространств в СШГ является полным заимствованием из русского языка. Несмотря на относительную архаичность лексического состава СШГ, в нем отсутствует лексема *кужо* в данном значении.

Потьмакс. Данным термином в СШГ обозначается дно водного объекта. Форма и семантика термина в СШГ практически идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Происходит от эрзя-мордовского *потмо* – ‘внутренность’, ‘глубоко внутри’ + *кс* – аффикс превратительного падежа в мордовских языках.

Чудерькс. Данным термином в СШГ обозначаются ручьи. Термин не встречается в других эрзя-мордовских говорах Шенталинского района Самарской области. Если говорить о подобной терминологии эрзянских говоров Самарского Заволжья в целом, то ручьи здесь чаще всего обозначаются лексемой *чудикерькс*. Данные лексемы, как правило, не являются топонетическими в мордовских говорах региона, не является исключением в этом отношении и СШГ.

Эрьке. Данным термином в СШГ обозначаются естественные озера. Форма и семантика термина в старошенталинском говоре идентичны таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке.

Как явствует из приведенных выше материалов по географической лексике СШГ, в ее составе имеются как лексические архаизмы, так и лексемы, идентичные терминам, бытующим в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Значительная их часть является топонетической, т. е. входит в состав географических названий как в виде самостоятельных лексем, так и топоформантов.

Топонимическая номенклатура села Старая Шентала и его окрестностей

Ало пе. Название низинной части села Старая Шентала, расположенной за рекой *Эриклей*, относительно его центра. Типичный элемент топонимической номенклатуры эрзя-мордовских сел Самарского Поволжья. Название происходит от эрзя-мордовских лексем: *ало* – ‘низменный’ + *пе* – ‘конец’ = ‘нижний конец’. Название *Ало пе* является в Старой Шентале элементом урбанистической макросистемы и включает в себя районы *Сотя пе* и *Балда пе*.

Амурува. Название одной из улиц Старой Шенталы. Со слов информантов: «Амурува – это улица так называется. Да, в отдалении от села она расположена. Жили там, теперь никто не живёт» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Как представляется, урбоним находится в ряду подобных названий, характеризующих эрзя-мордовские топонимические пространства Самарского Поволжья: такого рода названия в эрзянских селах даются, как правило, отдаленным от центра села либо от основной его части улицам. Сравните: улица *Баку* в селе Шилан Красноярского района, улица *Ташкент* в селе Ерзовка Кинель-Черкасского района, район *Карабах* в селе Новое Ерёмкино Ставропольского района Самарской области. Урбоним восходит к гидрониму *Амур* на Дальнем Востоке, который, в представлениях жителей Старой Шенталы на определенном этапе, символизировал отдаленность того или иного места.

Багана пе. Название части одной из улиц Старой Шенталы. Со слов информантов: «Это Баганский конец – часть улицы так называется. Она, по-видимому, к Багане как-то относится. Хотя, странно, она совсем в другую сторону от Баганы расположена» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Представляется, данный парадокс объясняется тем, что село Багана в ходе своей истории было перенесено на новое место. Первоначально село располагалось недалеко от Старой Шенталы, однако вскоре его жители вынуждены были переселиться. Причины переселения в исторических преданиях старошенталинской и баганской мордвы называются различные: плохое качество земли в окрестностях первоначального поселения, постоянные подтопления во время паводков ввиду расположения в низменности.

Базар улица. Название одной из улиц Старой Шенталы. Со слов информантов: «Раньше по этой улице дорога на рынок проходила. Потому и Базарная» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Названия с подобной семантикой часто встре-

чаются в топонимических номенклатурах сел Среднего Поволжья, в различных этноязыковых средах.

Балда пе. Название одного из районов села Старая Шентала, входящего в состав района *Ало пе*. Со слов наших информантов: «Это часть села, через речку. По прозвищу человека названа, вероятнее всего» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным: *Балда* – антропоним + *пе* – ‘конец; район села’ = ‘конец села, где проживал человек по прозвищу Балда’.

Граньлей. Река, находится на границе топонимических пространств эрзя-мордовских сел Старой Шенталы и Баганы. Со слов информантов: «Почему Граньлей называется? Ну, грани там были – видимо, между нашими и Баганой. Да это и из названия ясно – у нас реку *ведь* называют, а у них *лей*. Это уже по их традиции названо» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным: *грань* – заимствование из русского языка, частое для мордовской топонимии + *лей* – ‘река’ = ‘пограничная река’. Мотив «пограничной реки» популярен в мордовской и – шире – в финно-угорской топонимии. Сравните: Явлейка – *явомс* – ‘делить, разделять’ + *лей* – ‘река’ + *ка* – русская финаль [Инжеватов, 1987]; озеро *Artjärvi*: *artti* – ‘спор’ + *järvi* – ‘озеро’, озеро на границе владений финнов и шведов [Alanen, 1993; Antin, 1997; Nissilä, 1971].

Дождутлатко. Овраг в окрестностях села Старая Шентала. Информанты затруднились этимологизировать топоним. Как представляется, в данном случае возможен тюрко-мордовский гибрид. Топоним является двусоставным: *дождут* – неэтимологизируемая информантами основа + *латко* – ‘овраг’. По нашему мнению, основа *дождут* может являться фонетически адаптированной с озвончением в эрзя-мордовском языке татарским *таш* – ‘камень’, либо *ташу* – ‘половодье’, ‘разлив’. Таким образом, топоним можно этимологизировать как ‘каменный овраг’ либо ‘овраг с полной водой’, при этом оба варианта приемлемы с точки зрения семантического соответствия. Значительную часть населения райцентра Шентала составляют татары, что делает предложенные этимологии также оправданными с позиции принципа историзма.

Князь пандо. Гора в окрестностях села Старая Шентала. В разговорной речи носителей СШГ эрзя-мордовского языка произносится как *Князьбандо* [kn'az'bando] (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным, гибридным русско-эрзянским: *князь* – заимствование из русского языка + *пандо* – ‘гора’ = ‘княжеская гора’. К какому именно князю относится данное название, теперь никто не помнит. Учитывая исторические реалии региона периода его заселения мордвой, в названии может сохраняться либо память о каком-то башкирском или татарском феодале, которому ранее принадлежали данные земли, либо гора могла быть так поименована позднее, в честь какого-то местного помещика, обладателя княжеского титула. Наконец, так как данная возвышенность является самой высокой точкой Шенталинского района, возможно, эпитет *князь* отражает ее господствующее положение над остальными возвышенностями.

Кондурчань пандо. Гора в окрестностях села Старая Шентала, на берегу реки Кондурчи. Название на русский язык с эрзя-мордовского переводится следующим образом: *Кондурча* – потамоним + *нь* – аффикс принадлежности в мордовских языках + *пандо* – ‘гора’ = ‘Кондурчинская гора’.

Крута латко. Название оврага в окрестностях села Старая Шентала, проходящего вдоль речки *Эриклей*. Подобные названия имеют широкое распространение в топонимических пространствах эрзя-мордовских сел Самарского Поволжья: отмечены овраги с таким названием у клявлинской мордвы, у мордвы сел Захаркино и Старое Вечканово. Этимология названия прозрачна: *крута* – фонетически адаптированная в эрзя-мордовской этноязыковой среде русская лексема *крутой* + *латко* – ‘овраг’ = ‘крутой овраг’. Таким образом, название отражает характеристики объекта.

Кузьмоу пе. Часть села Старая Шентала, откуда идет дорога на мордовский поселок Кузьминовка. Топоним является двусоставным: *Кузьмоу* – фонетически адаптированный

в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский отантропонимный ойконим *Кузьминовка* + *пе* – ‘конец; часть села’ = ‘Кузьминский конец; часть села, расположенная вдоль дороги по направлению к Кузьминовке’.

Лексей лес. Название леса в окрестностях села Старая Шентала. Топоним является двусоставным: *Лексей* – антропоним, сокращенная форма имени *Алексей* + *лес* – русский термин *лес* = ‘Алексеев лес’. В СШГ эрзя-мордовского языка в настоящее время лексема *вирь* в значении ‘лес’ не является топогенетичной; бытуя в разговорном языке, она совершенно не встречается в письменной топонимии (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019).

Лепелей. Река в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Это речка совсем небольшая, иногда в овраг превращается. На русский язык переводится как Ольховка» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным: *лепе* – ‘ольха’ + *лей* – ‘река’ = ‘ольховая речка’, ‘ольховка’.

Лошмо ки. Дорога, проходящая по дну оврага в окрестностях Старой Шенталы. Термин *лошмо* имеет в СШГ значение ‘овраг с пологим дном округлой формы’; по данным других эрзя-мордовских говоров региона и литературно-письменного эрзянского языка, термин чаще имеет значение ‘низина’. Таким образом, семантика топонима передается на русский язык с эрзя-мордовского языка так: *лошмо* – ‘овраг с округлым дном, низина’ + *ки* – ‘дорога’ = ‘дорога, проходящая по дну оврага, в низине’.

Макар голка. Роща в окрестностях Старой Шенталы, в сторону Кузьминовки, располагается за рощей *Сергей голкс*. Топоним является двусоставным: антропоним *Макар* + *голка* (т. е. озвонченная соседним сонорным лексема *колка*) и представляет собой фонетически адаптированный в эрзя-мордовской этноязыковой среде русский термин *колок* = ‘Макарова роща’. Подобные отантропонимные названия участков леса характерны для топонимического пространства Старой Шенталы.

Нерь пандо. Гора в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Гора Нерь называется, нерь (показывают на нижнюю челюсть) – вот такой формы склон. Нерь!» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Данный элемент топонимической номенклатуры Старой Шенталы (за исключением следующего рассматриваемого нами в статье топонима, производного от настоящего), является единственным случаем фиксации географического термина *нерь* в мордовских топонимах Самарского Заволжья. Параллели имеются только в мокша-мордовских говорах Самарской Луки [Беленов, 2018]. Учитывая всю совокупность факторов, можно предполагать архаичность данного термина мордовской географической лексики с одной стороны, и влияние природно-географических условий Самарского Заволжья, где преобладает равнинный рельеф, с другой. Кроме этого, надо полагать, что оронимная семантика термина *нерь* в прошлом для мордовских языков не являлась единственной: поскольку есть пример из топонимического пространства Старой Бинарадки Красноярского района Самарской области, где данный термин имеет гидронимическое значение (см. [Беленов, 2019]). Также обращают на себя внимание в этой связи саамские гидронимные термины с близкой основой, а именно: термин *нер* в коми диалектах со значением ‘приболотная полоса’ и чувашский термин *нур* со значением ‘влага; влажность’, заимствованный из какого-то финно-угорского языка.

Нерь пандо алкс. Название лесного массива в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Это лес в сторону посёлка Чёрная Речка. У горы Нерь» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Буквально семантическая структура топонима на русский язык с эрзя-мордовского передается так: *нерь* – ‘мыс, выступ горы’ (в данном случае имя собственное) + *пандо* – ‘гора’ + *ал* – ‘низ’ + *кс* – аффикс превратительного падежа в мордовских языках; таким образом, *алкс* – это ‘нижняя часть, подножие’ = ‘подножие горы Нерь’. Характерно, что в данном случае в составе топонима отсутствует географический термин *вирь* со значением ‘лес’, так же как и в аналогичных географических названиях исследуемого топонимического пространства.

Отарлей. Река в окрестностях села Старая Шентала, которая впадает в Черную речку. Информанты не могут этимологизировать основу потамонима – *отар* (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Между тем потамоним является двусоставным: *отар* – неэтимологизируемая информантами основа + *лей* ('река'). Для этимологизации гидронима нужно обратиться к материалам по мордовской топонимии Д. В. Цыганкина, который приводит два варианта установленных им этимологий основы *отар* в топонимах Республики Мордовия: либо от искаженного в чувашском языке русского слова *хутор*, либо от фонетически адаптированного в эрзя-мордовском языке этнонима *татар* [Цыганкин, 2005]. Учитывая ближайшее этноязыковое окружение носителей СШГ, в рассматриваемом случае более вероятен второй вариант.

Пойколка. Роща в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Ну, Пойколка – это лесочек там, осиновый лесок, кружок леса такой» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным: *пой* – 'осина' + *колка* – в СШГ термин имеет значение 'лесок круглой формы' = 'осиновый лесочек круглой формы'.

Пойколкалатко. Овраг в окрестностях рощи *Пойколка*. Семантическая структура топонима в передаче на русский язык имеет следующий вид: *пой* – 'осина' + *колка* – 'лесок круглой формы' + *латко* – 'овраг' = 'овраг при осиновом лесочке круглой формы', 'овраг при роще Пойколка'. В переводе на русский наиболее естественное соответствие – Пойколковский овраг.

Полкоу лисьма. Родник в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Там когда-то полк стоял, солдаты были. Поэтому Полкоу лисьма» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным: *полкоу* – фонетически адаптированная в эрзя-мордовской этноязыковой среде русская лексема 'полковой' + *лисьма*; в СШГ термин имеет значение 'родник на равнинной местности' = 'полковой родник'.

Равжо ведь. Имеется еще одна вариация топонима – *Раужо ведь*, указанная вариативность обусловлена спецификой фонетической реализации согласной фонемы [в] в эрзянском языке. Семантически название представляет собой эрзя-мордовский перевод потамонима *Черная речка*: *раужо* – 'черный' + *ведь* – 'вода', в СШГ также 'река'. По признанию самих информантов, в разговорной речи употребляется русская форма топонима (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). В то же время данная переводная форма потамонима – единственный элемент старошенталинской топонимической номенклатуры, в котором термин *ведь* фиксируется в значении 'река'.

Родинань пандо. Гора в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Это гора туда, в сторону Баганы. Там раньше посёлок был, Родина назывался. Вот около него гора. Сейчас там уже не живёт никто» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Семантическая структура топонима передается на русский язык с эрзя-мордовского следующим образом: название поселка *Родина* + аффикс принадлежности в мордовских языках *нь* + *пандо* – 'гора' = 'гора у поселка Родина'.

Сергей голкс. Роща в окрестностях села Старая Шентала, в сторону поселка Кузьминовка. Топоним является антропонимным, двусоставным: антропоним *Сергей* + *голкс* – озвонченный в составе данного топонима эрзя-мордовский термин *колка*, с аффиксом превратительного падежа *кс*, что дает в переводе 'роща Сергея' (возможно, выросшая на месте урочища, учитывая включение аффикса превратительного падежа в название).

Сотя пе. Район села Старая Шентала, наряду с районом *Балда пе*, входит в часть села, именуемую *Ало пе*. Со слов информантов: «Это часть села через речку (Эриклей. – Н. Б.), отдельно она (от основной части села. – Н. Б.)» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Со слов информантов, элемент *Сотя* является антропонимом. Таким образом, перевод названия с эрзя-мордовского языка на русский базируется на сле-

дующих формально-семантических составляющих: антропоним *Сотя* + *пе* – ‘конец; часть села’ = ‘Сотин конец’, ‘часть села, в которой жил Сотя’.

Сотянь пандо. Гора в окрестностях села Старая Шентала. Располагается у района *Сотя пе*. Семантическая структура названия в эрзя-мордовском имеет следующий вид: антропоним *Сотя* (название района села Старая Шентала) + аффикс принадлежности в мордовских языках *нь* + *пандо* (‘гора’), что дает в переводе на русский ‘гора у района Сотя пе’.

Сидеркаль. Ивовая роща в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Сидор там рядом жил. И так называется теперь ивняк» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Топоним является двусоставным: *Сидер* – адаптированный в эрзя-мордовском языке антропоним *Сидор* + *каль* – ‘ива’ = ‘Сидоров ивняк’. Подобному типу топонимов имеются параллели на территории Иса克林ского района. Так, в топонимическом пространстве села Владимировка, ранее являвшемся эрзяно-украинским (теперь в нем лишь двое постоянных жителей) имеется топоним *Вараканьгаль*, относящийся к группе старых ив у реки Владимировки, который у оставшегося местного населения уже деэтимологизирован и членится как *Варак* – *аньгаль* (ПМА, Самарская область, Иса克林ский район, Владимировка, 2019). Исходная этимологическая структура данного топонима такова: *варака* – ‘ворона’ + аффикс принадлежности в мордовских языках *нь* + *галь* – озвонченное *каль* – ‘ива’ = ‘вороний ивняк’. При этом термин *каль* имеет различную семантику в мордовских говорах Самарского Поволжья: от ‘талая вода’ (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019) до значения ‘все древесные породы’ (ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старые Сосны, 2019).

Ушлат колка. Название рощи в окрестностях села Старая Шентала. Со слов информантов: «Ушлат колка – это в сторону Новой Шенталы лесочек, почему ушлат – не знаем» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Название является двусоставным: неэтимологизируемая основа *ушлат* + *колка* (‘лесочек округлой формы; роща’), что дает ‘Ушлат-роща’ и может быть переведено как *Ушлатова роща*. В работе Д. В. Цыганкина [2005], являющейся энциклопедической по топонимии Республики Мордовия, идентичных соответствий данному названию нами не обнаружено. Топонимную основу *уш*, встречающуюся в ряде названий, например *Ушлейка*, ученый склонен относить к тюркизмам. В нашем случае, в условиях татарско-чувашского окружения Старой Шенталы, тюркскую основу в топониме исключать нельзя. Вместе с тем следует отметить также, что гидронимы с основой *ush* встречаются и на территории Финляндии, в зоне распространения саамской топонимии. По мнению специалистов, они не имеют удовлетворительной этимологии ни на финском, ни на саамском материале, а все имеющиеся объяснения относятся к разряду «народной этимологии» [Itkonen, 1961; Fellman, 1915].

Эриклей. Река, протекающая через село Старая Шентала. Происхождение потапонима информанты объяснить затрудняются, уверенно утверждают лишь то, что основа названия *эрик* никак не связана с термином *эрьке*, бытующим в СШГ эрзя-мордовского языка в значении ‘озеро’ (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). Учитывая, что в ряде эрзянских говоров Самарского Поволжья термин *эрьке* имеет значение ‘речка’ (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Среднегодный, 2018), данная информация является важной для исключения заведомо неверного пути этимологического решения для потапонима. Также информанты отмечали, что «Эриклей – он из Кузьминовки течёт» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019), тем самым давая понять, что, возможно, в Кузьминовке нам лучше разъяснят происхождение данного названия. К сожалению, в Кузьминовке, население которой в настоящее время составляет всего несколько человек, получить информацию о происхождении интересующего нас названия не удалось. Некоторые разъяснения всё же дали информанты из Старой Шенталы; с их слов: «Эрик – это что-то такое блестящее, блестит, может, поэтому Эриклей... А ещё эрьке у нас бусы называются, блестящие, может быть, поэтому» (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019). По нашему мнению, нельзя исключать этимоло-

логической связи рассматриваемого потамонима со следующими лексемами: *эрик* (возможная эрзя-мордовская адаптация гидронимического термина *ерик* [jerik], с переходом инициального 'е' в 'э'), *эрик* – 'бойкий; живой'; лексема *эрик* может как отражать характеристику течения реки, так и являться вариацией означающего для распространенной в мордовской топонимии семантики «рек, на которых расположены поселения». Наконец, заслуживает внимания и версия информантов, поскольку лексема *эрьге* ('бусина') также фиксируется в составе мордовских гидронимов на территории Пензенской области.

Заключение

Одной из главных отличительных особенностей географической лексики старошенталинского говора эрзя-мордовского языка является наличие в ее составе термина *ведь*, используемого для обозначения рек. Данный термин относится к мордовской лексической архаике и в старошенталинском говоре в настоящее время уже не топогенетичен, однако в бытовом общении он продолжает активно использоваться в значении 'река'. Фиксация термина *ведь* в значении 'река' в живом эрзянском говоре является показательной по ряду причин: во-первых, данный термин в значении 'река' встречается в самом старом лексикографическом описании мордовских языков, т. е. у Н. Витсена; во-вторых, материалы Н. Витсена так или иначе происходят из какого-то неизвестного нам с достоверностью диалекта мокша-мордовского языка, а бытование данного термина в старошенталинском говоре является его первой фиксацией в эрзянском топонимическом пространстве.

Большинство географических названий села Старая Шентала и его окрестностей этимологизируется в пространстве контактов и связей эрзя-мордовского и русского языков, однако источники ряда деэтимологизированных в настоящее время топооснов, возможно, восходят к тюркским поволжским языкам – татарскому и чувашскому.

Единичные деэтимологизированные основы могут восходить к финно-угорской лексической архаике, поскольку они встречаются в финно-угорской топонимии на обширных территориях: от Прибалтики до Урала, например основа *ush*.

Значительная часть географических терминов, бытующих в старошенталинском говоре, идентична таковым в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Также надо отметить сравнительно высокую степень топогенетичности географической лексики данного говора (составляющей, по нашим оценкам, около 40 %).

Из фонетических особенностей элементов исследуемого топонимического пространства необходимо отметить регулярно встречающуюся регрессивную ассимиляцию глухого согласного, чаще всего в двусоставных топонимах, доля которых в анализируемой топонимической номенклатуре составляет около 90 %, что характерно для топонимии, происходящей из агглютинативных языков.

В целом необходимо отметить, что большинство элементов топонимического пространства Старой Шенталы находит идентичные либо близкие параллели в топонимических пространствах других эрзя-мордовских сел Самарского Заволжья.

Список литературы

- Беленов Н. В. Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки. Самара, 2018. 200 с.
- Беленов Н. В. Географическая топонимная лексика мокша-мордовского населения с. Старая Бинарадка Самарской области // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 4. С. 550–559.
- Беленов Н. В. Топоним «Ош Панда Нерь» как элемент этнокультурного пространства шелхметской мордвы // Этническая культура в современном мире. Чебоксары, 2020. С. 75–78.
- Бутылов Н. В. Тюркские заимствования в мордовских языках. Саранск, 2005. 127 с.
- Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1987. 263 с.

- Керт Г. М.** Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: Карел. НЦ РАН, 2009. 179 с.
- Моторкина С. Г.** Лексика эрзянских говоров Чувашского Присурья: Дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2002. 227 с.
- Цыганкин Д. В.** Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР // Ономастика Поволжья. Саранск, 1976. С. 54–59.
- Цыганкин Д. В.** Память, запечатленная в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 432 с.
- Цыганкин Д. В.** Ойконимия мордовского Заволжья // Ежегодник финно-угорских исследований. 2010. № 3. С. 9–15.
- Alanen, T.** Kylien ja kantatalojen nimien kerrostumat luoteisella Uudellamaalla ja Lounais-Hämeessä. In: Rasi. Interaction between coastal and inland societies in the Iron Age. Helsinki papers in archaeology 5. Helsinki, University of Helsinki, Department of Archaeology, 1993, p. 15–33. (in Finn.)
- Antin, A.** Luonnollisesti Artjärvi. Pitäjäkirja. Artjärvi, Artjärven kunta, 1997, 358 s. (in Swed.)
- Fellman, I.** Handlingar och uppsatser angående Finska Lappmarken och lapparne. Samlade och utgivna af Isak Fellman i anslutning till Jacob Fellmans “Anteckningar under min vistelse i Lappmarken”. Documenta historica 1–3. Helsingfors, Finska litteratursällskapet, 1915. (in Swed.)
- Hulden, L.** Finlandssvenska bebyggelsenamn. Namn på landskap, kommuner, byar i Finland av svenskt ursprung eller med särskild svensk form. Helsingfors, SLS, 2001, 636 s. (in Swed.)
- Itkonen, T. I.** Kvasisuomalaisia Lapin paikannimiä. Virittäjä, 1961, 65 s. (in Finn.)
- Lönnrot, E.** Svensk, finsk och tysk tolk. Helsingfors, A. C. Ohmans forlag, 1847, 259 s. (in Swed.)
- Nissilä, V.** Sognavne i Finland. *Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid*, 1971, no. 16. (in Swed.)
- Paasonen, H.** Mordwinische Wörterbuch. Helsinki, Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1990–1995, Bd. 1–3.
- Paasonen, H.** Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von Ignatij Zorin, Durchgesehen u. transkribiert von Heikki Paasonen, übers. von Kaino Heikkilä u. Paavo Ravila, Herausgeg von Martti Kahla. V. Band. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977, 161 S.
- Suomalainen paikannimikirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu. Helsinki, 2007, 595 s. (in Finn.)
- Witsen, N.** Noord en oost Tartarie. Deel 2. Amsterdam, 1692. 34 l.

References

- Alanen, T.** Kylien ja kantatalojen nimien kerrostumat luoteisella Uudellamaalla ja Lounais-Hämeessä. In: Rasi. Interaction between coastal and inland societies in the Iron Age. Helsinki papers in archaeology 5. Helsinki, University of Helsinki, Department of Archaeology, 1993, p. 15–33. (in Finn.)
- Antin, A.** Luonnollisesti Artjärvi. Pitäjäkirja. Artjärvi, Artjärven kunta, 1997, 358 s. (in Swed.)
- Belenov, N. V.** Moksha-Mordovian toponymy of Samara Luka. Samara, 2018, 200 p. (in Russ.)
- Belenov, N. V.** Geographical vocabulary in Bahilovsky dialect of the Moksha-Mordovian language. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2019, no. 4, p. 550–559. (in Russ.)
- Belenov, N. V.** Place-name “Osh Panda Ner” is element of ethnocultural area Mordva of Shelekhmet. In: Ethnic culture in the modern world. Cheboksary, 2020, p. 75–78. (in Russ.)
- Butylov, N. V.** Turkic loanwords in Mordovian languages. Saransk, 2005, 127 p. (in Russ.)
- Fellman, I.** Handlingar och uppsatser angående Finska Lappmarken och lapparne. Samlade och utgivna af Isak Fellman i anslutning till Jacob Fellmans “Anteckningar under min vistelse i Lappmarken”. Documenta historica 1–3. Helsingfors, Finska litteratursällskapet, 1915. (in Swed.)
- Hulden, L.** Finlandssvenska bebyggelsenamn. Namn på landskap, kommuner, byar i Finland av svenskt ursprung eller med särskild svensk form. Helsingfors, SLS, 2001, 636 S. (in Swed.)
- Inzhevatov, I. K.** Toponymy vocabulary of Mordovian ASSR: Place-names of human settlement. Saransk, Mordovian book publishing house, 1987, 263 p. (in Rus.)

- Itkonen, T. I.** Kvasisuomalaisia Lapin paikannimiä. Virittäjä, 1961, 65 s. (in Finn.)
- Kert, G. M.** Toponymy lexicon of Saami language. Petrozavodsk, Karelian SC RAS, 2009, 179 p. (in Russ.)
- Lönnrot, E.** Svensk, finsk och tysk tolk. Helsingfors, A. C. Ohmans forlag, 1847, 259 s. (in Swed.)
- Motorkina, S. G.** Lexicon of Erzya-Mordovian dialects of Chuvash Sura region. Diss. Cand. Philol. Sci. Saransk, 2002, 227 p. (in Russ.)
- Nissilä, V.** Sognavne i Finland. *Kulturhistoriskt lexikon för nordisk medeltid*, 1971, no. 16. (in Swed.)
- Paasonen, H.** Mordwinische Wörterbuch. Helsinki, Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1990–1995, Bd. 1–3.
- Paasonen, H.** Mordwinische Volksdichtung. Gesammelt von Ignatij Zorin, Durchgesehen u. transkribiert von Heikki Paasonen, übers. von Kaino Heikkilä u. Paavo Ravila, Herausgeg von Martti Kahla. V. Band. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura, 1977, 161 S.
- Suomalainen paikannimikirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu. Helsinki, 2007, 595 s. (in Finn.)
- Tsygankin, D. V.** Memory imprinted in the word: dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia. Saransk, Red October, 2005, 432 p. (in Russ.)
- Tsygankin, D. V.** Mordovian ancient lexicon in the toponymy of Mordovian ASSR. In: *Onomastica of Volga region*. Saransk, 1976, p. 54–59. (in Russ.)
- Tsygankin, D. V.** Oikonymy of the Mordovian TransVolga region. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, 2010, no. 3, p. 9–15. (in Russ.)
- Witsen, N.** Noord en oost Tartarie. Deel 2. Amsterdam, 1692. 34 l.

Материал поступил в редколлегию
Date of submission
19.05.2020

Сведения об авторе / Information about the Author

Беленов Николай Валерьевич, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО Самарского государственного социально-педагогического университета (Самара, Россия)

Nikolai V. Belenov, PhD in Education Sci., Associate Professor, Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

belenov82@gmail.com
ORCID 0000-0002-4415-5966